

ЭО, 2008 г., № 6

© Э. Кротц

ТРИ ЭТАПА МЕКСИКАНСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ В XX в.: НАЦИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ, СОЦИАЛЬНАЯ КРИТИКА, АКАДЕМИЧЕСКАЯ НОРМАЛИЗАЦИЯ

Во многих европейских странах тот, кто определяет себя как специалист в области "антропологии", воспринимается философом или экспертом в физической антропологии. В Мексике ситуация иная. "Антрополог" идентифицируется очень часто как археолог или как специалист по аборигенным культурам. Этот стереотип объясняется историей мексиканской антропологии, хотя нынешние сферы академического и профессионального применения антропологии в Мексике гораздо шире и разнообразнее.

Ниже представлена история мексиканской антропологии¹ XX в. по трем этапам. Первый из них (с начала XX в. до 1950-х годов) как раз в большей мере и соответствует указанному выше образу. Следующий этап (с 1960-х до рубежа 1980–1990-х годов) включает несколько "разрывов" с предыдущим и выливается в другой охват прежде скрытых тем и идей. На третьем этапе, продолжающемся до настоящего времени, имеет место, как мне представляется, сочетание нового концептуального поворота и количественно значимой институциональной консолидации.

1. Мексиканская антропология и национальная интеграция

В последние годы длительного президентства Порфирио Диаса (1877–1911) было положено начало преподаванию антропологии в Национальном музее (основан вскоре после достижения независимости, в 1825 г., и реорганизован в 1865 г.). С 1911 г. в стране несколько лет действовала Международная школа американской археологии и этнологии (ее попечителями были прежде всего североамериканец Франц Боас и немец Эдгард Зелер). Однако обычно начало собственно мексиканской антропологии связывают с созданием Управления антропологии (по завершении Мексиканской революции в 1917 г.) и с проектом исследования населения Долины Теотиуакан; и то и другое возглавлял Мануэль Гамио (1883–1960), первый мексиканский антрополог со степенью (он получил степень доктора в 1921 г. в США по результатам названного проекта).

Указанный проект полностью воспринял боасовское наследие по части комплекса четырех "классических" антропологических субдисциплин, которые во многих европейских странах в ту пору начали отделяться друг от друга. Кроме того, его целью было начало систематического производства знания о сельском населении вообще и аборигенном в частности² – знания, в то время довольно слабо развитого, но являвшегося необходимым условием для восстановления эффективного общественного управления после десятилетия вооруженных конфликтов. В равной мере проект претендовал и на то, чтобы способствовать выведению из "отсталости" изучаемого аборигенного и крестьянского населения. Хотя при взгляде из сегодняшнего дня этот проект, задуманный как "интегральный", может серьезно критиковаться за этноцентричный, ориентированный на ускоренное развитие и патерналистский по характеру подход, он был важен для своего времени, так как означал в определенном смысле, что "антропология в Мексике рождается... исходя из живой, болезненной социокультурной ре-

¹ Эстебан Кротц (Krotz) – профессор Центра региональных исследований Автономного университета Юкатана (г. Мерида, Мексика).

альности, которая все еще сохраняется сегодня... Так, в отличие от других стран, где антропология или какая-то из ее отраслей служила колониальным целям, в Мексике она возникает как практика во благо маргинальных и традиционно эксплуатируемых групп" (Matos 2001: 39).

Обе составляющих положили начало стилю антропологии, господствовавшему на протяжении полустолетия в Мексике: на основе общей идеи (ныне оспариваемой), касающейся линейной исторической преемственности между доиспанским прошлым и современностью, главным объектом антропологического исследования стали следы доиспанских культур, легко ощущаемые почти по всей стране, а также жизнь аборигенных народов, на которых до того не обращали внимания³.

Понятно, что из-за политико-идеологической важности обеих тем и, более того, из-за политико-административной ценности второй из них послереволюционное государство отдало предпочтение данной отрасли социальных наук. Так, в 1938 г. была основана организация, впоследствии получившая название Национальной школы антропологии и истории (Escuela Nacional de Antropología e Historia) – на протяжении долгого времени она была самым важным в Латинской Америке центром антропологического образования и остается до сего дня единственным в стране центром, в котором представлены все антропологические специальности разных уровней⁴. В 1939 г. был создан Национальный институт антропологии и истории (Instituto Nacional de Antropología e Historia), частью которого вскоре стала упомянутая школа. В составе института есть несколько важных исследовательских подразделений; он отвечает за сохранение доиспанского и колониального наследия, руководит почти всеми музеями антропологии и истории, и с 1960-х годов в него входит значительное число центров академического и административного характера во всех районах страны.

Одновременно было начато создание разнообразных "индихенистских" учреждений (под термином "indigenista" понималась политика по отношению к коренному населению, сформированная и осуществляемая *не* аборигенами) – учреждений, позиция которых усилилась с образованием в 1940 г. в г. Мехико Межамериканского индихенистского института (Instituto Indigenista Interamericano) и основанием в 1948 г. Индихенистского национального института (Instituto Nacional Indigenista)⁵. При этом первое из двух учреждений в течение десятилетий служило своего рода "резонатором" континентального масштаба для индихенистских стратегий, задуманных в Мексике.

Представительными для 1950-х годов могут считаться работы "Взгляд победенных" и "Философия науа, изученная в своих источниках" (León-Portilla 1950; 1989), а также книга "Великие мгновения индихенизма" (Villoro 1950). Для индихенизма особенно важное значение имели теоретическая линия и политическая практика, проводимые на уровне разных учреждений антропологом Гонсало Агирре Бельтраном (1908–1996). Его модель "интеграции" явила собой последовательную стратегию, направленную на то, чтобы аборигенное население растворилось в "национальной" культуре метисного типа – цель, в которой слышится эхо предсказания "космической расы" Хосе Васконселоса⁶. Как можно видеть в многочисленных статьях Агирре Бельтрана, в модели его оригинальным образом сочетались вера в социальные принципы Мексиканской революции и теоретические элементы культуралистского и эволюционистского типа⁷.

Однако здесь к месту сказать, что речь не шла о совершенно "новом" элементе в мексиканском мышлении, хотя наиболее интенсивно он и стал проявляться во время национал-популистского президентства Ласаро Карденаса (1934–1940). Скорее, речь шла о новом витке векового размышления относительно мексиканского социального и культурного своеобразия – размышления, начало которому положили первые поколения испанцев и их креольских и метисных потомков, родившихся в "Новой Испании", т.е. тех, кто, с одной стороны, уже не мог воспринимать себя в качестве "уроженцев полуострова", но кто, с другой стороны, не был и "индейцами". Эта рефлексия

усиливалась затем в некоторые периоды Вице-королевства, приобретала новые направления на протяжении первого века независимости, опять оживилась в конце периода Мексиканской революции и продолжает периодически проявляться по сегодняшний день. Это – рефлексия, которая, равно как и мексиканская антропологическая наука, всегда была связана с историей⁸, а с развитием социальных наук в XIX в. получила новый когнитивный инструмент, коим антропология овладела по причине особого интереса к социокультурному разнообразию, к эволюционному развитию и к полевой работе. Это, наконец, рефлексия, в которой обостряется, по причине географической близости к самой мощной стране мира, поиск того *собственного*, что есть на всем субконтиненте – субконтиненте, периодически задающемся вопросом о том, к какому миру он принадлежит: западному, индейскому, американскому, иberoамериканскому, индейско-американскому, индейско-латинскому или какому-либо иному. Индихенистская политика должна рассматриваться как часть этой дискуссии о собственном мексиканском пути к современности, который прежде всего воплощается в особых учреждениях (аграрных, образовательных, социально-экономического развития и др.)⁹.

II. От социальной критики к новому витку в изучении культуры

Обрисованная выше панорама, в которой антропология занимала привилегированное место в собрании мексиканских социальных наук и претерпевала медленный, но постоянный рост (например, в 1950-е и 1960-е годы были созданы также школы антропологии в университетах штатов Веракрус и Юкатан и в столичном иезуитском Иberoамериканском университете), стала быстро меняться во второй половине 1960-х годов.

Причиной этого стало в первую очередь сочетание двух факторов. Одним фактором была растущая критика злоупотреблений, допущенных социально-политической системой (провозгласившей себя "революционной"), на которую мексиканское государство, в то время практически однопартийное, ответило сбалансированным сочетанием индивидуальной репрессии и массовой кооптации. Другим – консолидация во всей Латинской Америке (несмотря на многочисленные диктатуры "национальной безопасности") теории зависимости и теологии освобождения, а также распространение всякого рода опытов в сфере образования, как и опытов по созданию народных организаций. Однако другими важными факторами были активное распространение высших учебных и научно-исследовательских учреждений по всей стране в период с 1970-х годов и деятельность в 1960–1970-х годах многочисленных получивших убежище в Мексике центрально- и южноамериканских интеллектуалов (многие из них были известны по их интенсивной политической борьбе и демократическим социалистическим взглядам).

Как и в других частях света в те годы, в Мексике сельское население, особенно крестьянство, превратилось в центр внимания обществоведов¹⁰: это был сектор "большинства" населения, он включал почти всех аборигенных обитателей (которых теперь уже изучали в рамках социально-экономических категорий) и казался предназначенным играть в Третьем мире революционную роль, которую первые марксисты ожидали от рабочего пролетариата в индустриальных странах. Антиколониальная борьба в Африке, вьетнамская война, маоистская культурная революция¹¹ и многочисленные партизанские вспышки на всем субконтиненте, в которых реальность и миф Кубинской революции 1959 г. сначала, и Сандинистской революции 1979 г. в Никарагуа позже, сыграли решающую роль, вызвали в важных секторах общества ощущение, что близятся глубокие социальные перемены.

В согласии с этим, доселе преобладавший культуралистский подход, унаследованный от североамериканской антропологии, был решительно отмечен как "научно

ошибочный" и "идеологически вредный" и заменен подходами, основывавшимися на анализе социальных отношений и их экономических и экологических детерминант, что сразу же выявило проигрышную связь страны и ее эксплуатируемого большинства с мировым рынком и трудности самостоятельного выбора ее судьбы в условиях идеологического и политического противостояния двух супердержав.

Символичной для этого периода и очень влиятельной была попытка каталонско-мексиканского антрополога Анхеля Палерма (1917–1980) соединить воедино различные функционально-структуралистские, многолинейно-эволюционистские и марксистские традиции в анализе социальных процессов прошлого и настоящего. Причем именно в это время Палерм закладывал основы для обновления преподавания антропологии в стране. Его деятельность также в большой степени способствовала тому, что ученые стали обнаруживать у основателей марксизма интерес к исследованию некапиталистических путей к социализму, как обнаруживать и тот вклад в развитие марксистской мысли, что был внесен теоретиками, сметенными Лениным и Сталиным, а также другими инакомыслящими мыслителями и политиками¹².

На протяжении 1970-х годов во многих академических и профессиональных кругах имела место обширная дисциплинарная конвергенция, когда практически везде обсуждались одни и те же эмпирические проблемы с упоминанием одних и тех же ключевых авторов. Эти академические споры были отмечены высокой степенью политизации и идеологизации, что связывало их с политической борьбой и социальными движениями различного рода, но что снижало их познавательную ценность, ибо иногда начинало казаться, что больше ценилось соответствие провозглашаемого с теоретической доктриной или политическим выбором, чем с анализируемой реальностью. Что касается антропологии – особенно социальной антропологии или этнологии – можно сказать, что, несмотря на отдельные попытки заменить ее политэкономией, она все-таки продолжала играть собственную и даже новаторскую роль, особенно из-за предлагаемой ей перспективы качественного анализа, основанного на длительных этапах полевой работы, которые даже тогда составляли неоспоримую часть университетской подготовки студентов.

В этой ситуации имело некоторое значение "подпитки" вхождение многих выпускников с дипломами антропологов в институциональные и профессиональные пространства, занятые прежде другими специалистами; к этому добавлялось создание новых правительственных организаций и программ, связанных прежде всего с сельским сектором. По мере того, как возрастал удельный вес городского населения, внимание антропологов определенно начали привлекать также жизнь, формы организации и борьбы сельских мигрантов в городе и рабочих. Все это шло в ущерб положению индихенистских учреждений, которые постепенно были оставлены новыми поколениями антропологов, как, впрочем, и изучение аборигенных культур и языков. В то же время немалое число выпускников нашли стабильную работу в растущем университетском секторе.

В течение нескольких пятилеток в цеховых дискуссиях господствовали различные варианты марксизма в очень разных сочетаниях – причем почти всегда в сочетаниях с разными теоретическими линиями антропологической традиции. Первоначальная узость вульгарного марксизма с его заметным уклоном в "экономизм" была со временем преодолена (как из-за распространения западноевропейских марксистских подходов, так и в силу собственной динамики эмпирических исследований). Но все равно антропологический цех пришел к мертвой точке. Он оказался не в состоянии решить ключевые теоретические вопросы, касающиеся сельского населения, которое, в свою очередь, во многом потеряло его былую социальную значимость на новом этапе истории страны, на котором социальные и исторические процессы начали все более вращаться вокруг идеи развития мексиканского пути к формальной демократии.

В определенной мере новое появление концепта культуры во второй половине 1980-х годов можно рассматривать как ответ на эту ситуацию – многим казалось, что он указывал направление, в котором надлежало искать ответы на старые нерешенные и возникающие новые вопросы. Эти вопросы стали быстро и весьма специфическим образом соотноситься с некоторыми формами жизни больших городов и с политической жизнью, взбудораженной в 1988 г. национальной полемикой – все еще не завершенной – о легитимности президентских выборов того года, а позже они распространились и на другие сферы, связанные, например, с состоянием права и гражданства как такового. Это восстановление "символического" параметра в исследованиях было также своего рода катализатором того, что антропологи обратились к явлениям, мало исследованным в предшествующие годы, при этом значительно расширилась тематическая гамма научного поиска и аналитические подходы. Среди этих последних, однако, теперь не было ортодоксальных течений марксистской мысли, которая постепенно утратила ее центральную позицию в дискуссиях¹³.

Особое место в этом процессе заняла работа Гильермо Бонфила (1935–1991) – она вызвала споры, сравнимые по их остроте с упомянутой работой Палерма. Этот антрополог на протяжении своей жизни сочетал способность руководства академическими учреждениями с антропологическими исследованиями и поддержкой индеанистских движений на всем латиноамериканском континенте. Марксизм Антонио Грамши, модный в ту пору в мексиканских социальных науках, и многолинейный эволюционизм марксистской окраски¹⁴ позволили ему проанализировать в его книге "Глубокая Мексика" (оказавшейся в сфере *вне* академического сообщества, несомненно, самой влиятельной из работ, написанных мексиканскими антропологами второй половины XX в.) последние полтысячи лет мексиканской истории с точки зрения борьбы между двумя "цивилизационными моделями" (Bonfil 1996 [1987]). Первой моделью, согласно Бонфилу, была *мезоамериканская* – доиспанского происхождения. Она была трансформирована посредством инкорпорации – как свободной, так и насильственной – в нее элементов "западной современности", а также вследствие приспособленческих стратегий, помогавших ей сопротивляться. Второй моделью выступала *североатлантическая*, которая в ходе истории поменяла свое изначальное испанское обличье на французское, а затем на североамериканское и которая не сумела ни укорениться по-настоящему в стране, ни преодолеть качество "кальки", нередко проявлявшей карикатурные черты. Понятие "народные культуры" служило Бонфилу, как и многим другим антропологам того периода¹⁵, средством гармонизации идеи антагонистического конфликта интересов при изучении символических миров.

Восстание Сапатистской армии национального освобождения, что началось в день вступления в силу договора о свободной торговле в Северной Америке (НАФТА 1994 г.), с помощью которого его создатели обещали окончательно инкорпорировать Мексику в "развитый" или "западный мир", способствовало тому, что на арену вновь вышла тема аборигенного населения, причем стало ясно, что речь теперь шла не о проблеме "аборигенов", а о проблеме национального плана¹⁶. Этот фактор переплетался с попытками (наконец успешно завершившимися в 2000 г. после почти столетия монопольного правления одной партии) произвести смену партии, находящейся у власти. Тема политической культуры стала приобретать растущую значимость в социальных науках как в смысле анализа и объяснения поведения граждан, так и в смысле возможности прогнозировать его и даже влиять на него. Следует отметить, что во всем этом был очевиден непрерывающийся процесс поиска коллективной идентичности, который после десятков лет усилий, приложенных людьми к тому, чтобы сплотить национальную метисную культуру и признать себя составной частью Третьего мира, пришел к идее построения формальной демократии соответственно нормам западного мира – идее, в которой снова заставила себя слышать аборигенная проблематика.

III. К академической и профессиональной нормализации?

В настоящее время мексиканская антропология представляется дисциплиной, не только консолидированной, но и имеющей преимущества на национальном уровне относительно других общественно-научных дисциплин¹⁷; ее положение завидно даже при сравнении с положением антропологии в ряде стран, где, как можно считать, "родилась" эта дисциплина.

Назовем некоторые показательные цифры. В стране, где насчитывается около 100 млн обитателей, из которых, по крайней мере, десятая часть относится к 62 этноязыковым группам, обычно называемым "аборигенными народами" (а кроме того, несколько миллионов мексиканцев проживают в США), готовят более тридцати специалистов с высшим образованием по различным антропологическим субдисциплинам (в половине из 32 федеральных единиц страны); есть также 20 магистратур и дюжина докторантур¹⁸, число которых, очевидно, умножится в скором времени. Антропологическое сообщество имеет около 30 специализированных журналов и ежегодников, а также несколько студенческих журналов и институтских бюллетеней¹⁹. Другой выразительный показатель ситуации – число выпускников в последние годы. С начала 1993 до конца 2000 г. были вручены почти 1500 дипломов, более 400 степеней магистра и почти 200 степеней доктора по различным антропологическим специальностям²⁰.

Однако в этой положительной картине есть и несколько темных пятен.

Прежде всего обращает на себя внимание то, что дисциплинарный рост, имевший место на протяжении последних десятилетий, не отражается в сравнимом росте представленности антропологических исследований и достижений дисциплины в средствах массовой информации, в сфере принятия правительственных решений, в деятельности партий или в общественном мнении. В связи с этим надо указать также, что цех не смог обзавестись постоянными и эффективными форумами для обсуждения результатов своих исследований, оценки опубликованного в своих книгах и журналах или анализа состояния дисциплины²¹. К названной слабости добавляется то, что антропологические публикации, хоть и многочисленные, но слабо циркулирующие, питаются почти исключительно теми, кто работает в образовательных учреждениях, в то время как сектор антропологов, работающих вне стен этих учреждений (по сути уже давно составляющий большинство цеха), является здесь "великим отсутствующим" и, может быть, с точки зрения сотрудников образовательных учреждений, даже "великим незнакомцем".

Но и в среде, осуществляющей управление научными и техническими исследованиями (к которым, как кажется, давно уже не проявляют интереса правительства федерации и штатов²²), антропология не смогла заставить уважать свои требования и взгляды, касающиеся производства знания (хотя эта же тенденция в общих чертах характерна и для других общественных и гуманитарных наук). Она, скорее, запуталась в ориентирах университетской системы, нынешняя трансформация которой нацелена, по-видимому, на то, чтобы свести научное образование к узкоспециальной подготовке согласно предполагаемым требованиям "рабочего рынка"; как запуталась и в тенетах процессов и критериев планирования и оценки, в которых сливаются прихотливые идеи слабо просвещенной бюрократии (которая обычно считает лишь естественные и точные науки достойными названия "наук"), и во внедряемых канонах менеджерской эффективности.

Следует указать в этом контексте и на то, что достаточно интенсивное в прошлом взаимодействие мексиканских антропологов с центрально- и южноамериканскими антропологами ослабло сегодня до такой степени, что один эквадорский ученый прогнозирует "искривление шеи" мексиканской антропологии, которая начинает интересоваться уже почти исключительно тем, что происходит в северной соседней стране. Это замечание, впрочем, применимо и к мексиканской внешней политике, а именно к

тому курсу, что был взят в ней с момента переговоров о договоре свободной торговли в Северной Америке и, тем более, со времени первой смены в федеральном правительстве в 2000 г. Такое состояние определенной изоляции относительно стран, лежащих к югу, не только отрицательно сказывается на мексиканской антропологии, но и обедняет латиноамериканские антропологические традиции в целом. Несмотря на то, что во всех них отмечается сходное замешательство, свойственное завершению фазы, считающейся "переходной" от авторитарных режимов к другим социально-политическим порядкам (формально более "партиципативным"), в каждой стране эта фаза имела свои особенности, в силу чего их сравнение способствовало бы пониманию ситуации на континенте и укреплению слабых пока позиций "Антропологии Юга" в регионе²³.

Чтобы завершить характеристику последнего и все еще дрящегося этапа мексиканской антропологии, следует указать также на процесс замещения словаря, почти вездесущего на прошлом этапе, другим, в котором явления, прежде называвшиеся, например, "эксплуатация", "империализм", "внутренний колониализм", "господство" и "идеология", сейчас представлены такими терминами, как "исключение", "глобализация", "постколониализм", "демократизация" и "символические миры" (Krotz 2004: 229). Похоже, что восстановление параметра культуры, начатое некогда в целях корректировки экономического и социоструктуралистского редукционизма, вылилось в интерпретационистский и а-теоретичный "необоасизм", неспособный к анализу темной и потому "отрицаемой стороны культуры" и к поиску выхода из нее²⁴. Действительно, современная мексиканская антропология охватывает целый спектр очень важных тем. Это, например: 1) сельское население (данная тема изучается, с одной стороны, в связи с неудержимой миграцией в США и, с другой, в связи с тем, что страна превратилась в постоянного импортера таких фундаментальных во всех смыслах продуктов, как кукуруза); 2) аборигенное население (которое недавно было "признано" в разных конституционных и законодательных аспектах, хотя это и не привело к реальному улучшению его положения и к каким-либо значительным изменениям в образовательных, политических и социальных институтах); 3) политическая культура (тесно связанная с электоральными процессами и ключевыми аспектами функционирования государства и права); 4) религия (в сфере которой наиболее заметным феноменом является безудержное наступление не католических религиозных общин) и др.²⁵ Но также определено и то, что почти не исследуются другие социально значимые темы, такие как растущее насилие в социальных отношениях; организованная преступность и провалы в борьбе против нее; центральноамериканские мигранты, направляющиеся в США через Мексику; перестройка семейной организации; молодежь; научная культура; средства массовой коммуникации и т.д.

Несмотря на эту двойственную ситуацию, представляется многообещающим то, что нам удалось консолидировать, после нескольких лет вынашивания этой идеи, ассоциацию школ антропологии – так называемую Мексиканскую сеть учреждений подготовки антропологов (RedMIFA), которая, по задумке, будет осуществлять постоянный мониторинг самых разных аспектов развития антропологии в стране²⁶. Конечно, эта сеть должна помочь связать "исследования" и "размышления", которые несколько отделены друг от друга в настоящее время, и простимулировать все еще слабый процесс превращения количественного роста последних лет в более качественный.

Примечания

¹ Обзоры этой истории есть в работах Хосе Ламейрас (*Lameiras* 1979) и Андреса Медины (*Medina* 2004), а также во втором томе пространной коллективной работы о мексиканской антропологии конца 1980-х годов (*García Mora* 1987). Можно посмотреть также и мой краткий обзор (*Krotz* 1991).

² Нужно помнить, что подавляющее большинство населения проживало в то время на селе, откуда исходили также решающие импульсы для Мексиканской революции. Примечательно, что сам Гамио в первой половине 1920-х годов осуществил пионерское исследование о мексиканской миграции в США.

³ Также, в отличие от последующих этапов, этот первый был почти исключительно "мужской" (о раннем, но не показательном исключении см.: *Rutsch* 2004).

⁴ В программе приема, объявленной на учебный цикл, начавшийся в январе 2008 г., для поступления было предложено 550 мест, распределенных на два потока и соответствующих семи специализациям: физическая антропология, социальная антропология, археология, этноистория, этнология, лингвистика и история.

⁵ В 2003 г. он превратился в Национальную комиссию по развитию аборигенных народов (Comisión Nacional para el Desarrollo de los Pueblos Indígenas (www.cdi.gob.mx)).

⁶ Мексиканский философ Хосе Васконселос (1882–1959) выразил эту идею собственного пути мексиканского развития, основанного на расовой и культурной гибридизации, в 1925 г. в книге с таким названием (в 1948 г. он написал новое предисловие для ее переиздания).

⁷ Единственная книга из его обширного наследия, опубликованная на английском, – это "Regions of refuge" (*Aguirre* 1979).

⁸ Октавио Пас в своем знаменитом "Лабиринте одиночества" поместил начала мексиканской нации полутысячелетней давности в центр своих размышлений: "В сумме вопрос происхождения – это тайный центр наших стремлений и тревог" (*Paz* 2004: 88); по данной теме см. также работу Бартры, особенно гл. 22 (*Bartra* 1987).

⁹ Краткий обзор мексиканского индихенизма см. также в: *Krotz* 1998.

¹⁰ Общий взгляд на этот феномен представлен в исследовании С. Хьюит (*Hewitt* 1984).

¹¹ В то время очень читаемой книгой была работа Эрика Вулфа о крестьянских войнах XX в., где речь шла и о Мексике (*Wolf* 1969).

¹² См. его работы в антологии его трудов под названием "Антропология и марксизм", впервые опубликованной в 1980 г. (*Palerm* 1998).

¹³ Эта ситуация представлена в коллективной работе "Определяемая культура" (*Krotz* 1993).

¹⁴ Помимо упомянутой работы Палерма, здесь надо назвать прежде всего труд бразильского антрополога Дарси Рибейро (*Ribeiro* 1968).

¹⁵ Характеристика этой тенденции содержится в исследовании Нестора Гарсии Канклини (*García Canclini* 1984).

¹⁶ Здесь можно было бы упомянуть дискуссию о том, что положительная оценка не-колониальных начал мексиканской антропологии должна быть пересмотрена в свете теории внутреннего колониализма, но рассмотрение этого вопроса – за рамками настоящей статьи.

¹⁷ Надо указать, однако, что связи антропологии с другими общественно-научными дисциплинами многочисленны (они опосредованы, например, занятостью антропологов в современных мультидисциплинарных учреждениях и тем фактом, что большинство журналов сегодня проявляют открытость к текстам, исходящим от родственных дисциплин) и что в некоторых случаях, когда сочетается академическая подготовка по двум разным дисциплинам, дисциплинарные границы как таковые даже растворяются.

¹⁸ В большинстве случаев это программы по социальной антропологии/этнологии. К этому следует добавить некоторые образовательные программы, которые по разным причинам называются разными именами, но на деле являются антропологическими, и некоторые междисциплинарные программы (или же программы, относящиеся к сфере других дисциплин, но имеющие сильный антропологический компонент).

¹⁹ Как и в других странах, специалисты в области антропологии, этноистории или антропологической лингвистики также регулярно публикуются в междисциплинарных журналах и изданиях соседних дисциплин. В ежегоднике "Inventario Antropológico" уже более десяти лет суммируются содержания этих периодических изданий.

²⁰ Данные подсчитаны Перлой Васкес на основе первых семи томов "Inventario Antropológico" (см. указатели в: <http://uam-antropologia.info/web/content/category/8/56/73>); в последние годы ритм получения дипломов увеличился на всех уровнях.

²¹ Надо, тем не менее, отметить, что существуют разные ассоциации и примеры междисциплинарного сотрудничества с сильным участием антропологов, как, например, в сфере исследований, связанных с городской жизнью, религией, сельскими проблемами, гендерными отношениями и политикой.

²² На самом деле даже не выполнена норма, установленная законом, о выделении 1% внутреннего валового продукта на научные и технические исследования.

²³ Подробнее см.: *Cardoso de Oliveira* 1999–2000 и *Krotz* 1997.

²⁴ Таково название труда-размышления о современной мексиканской антропологии (*Menéndez* 2002).

²⁵ Следует подчеркнуть, что традиционно почти все антропологические исследования проводятся в самой Мексике. Помимо уже названных тем, достаточно разработанными (и опирающимися на большую традицию исследований) являются темы, связанные с проблемами здоровья и болезней, мегаполисов, школьной социализации, ремесла, политических конфликтов, а также и более новые темы, такие как гендерные отношения, расизм, бедствия, юридическая антропология, технология, старость, туризм и межкультурность.

²⁶ Сеть RedMIFA инициировала также проект межинститутского исследования под названием "Антропология антропологии: диагноз и перспективы антропологии в Мексике" (соответствующую информацию можно получить на сайте: <http://adelaredmifa.org>).

Литература

- Aguirre* 1979 – *Aguirre Beltrán G.* Regions of Refuge. Washington: Society for Applied Anthropology, 1979.
- Bartra* 1987 – *Bartra R.* La jaula de la melancolía: identidad y metamorfosis del mexicano. México: Grijalbo, 1987.
- Bonfil* 1996 [1987] – *Bonfil G.* México Profundo: Reclaiming a Civilization. Austin: University of Texas Press, 1996.
- Cardoso de Oliveira* 1999–2000 – *Cardoso de Oliveira R.* Peripheral Anthropologies "versus" Central Anthropologies // *Journal of Latin American Anthropology*. 1999–2000. Vols. 4–5. P. 10–30.
- García Canclini* 1984 – *García Canclini N.* Cultura y organización popular: Gramsci con Bourdieu // *Cuadernos Políticos*. 1984. № 39. P. 75–82.
- García Mora* 1987 – La antropología en México: panorama histórico. Vol. 2: Los hechos y los dichos (1880–1986) / Ed. C. García Mora. México: Instituto Nacional de Antropología e Historia, 1987.
- Hewitt* 1984 – *Hewitt de Alcántara C.* Anthropological Perspectives on Rural Mexico. Boston: Routledge, 1984.
- Krotz* 1991 – *Krotz E.* A Panoramic View of Recent Mexican Anthropology // *Current Anthropology*. 1991. Vol. 32. P. 183–188.
- Krotz* 1993 – *Krotz E.* La cultura adjetivada: el concepto "cultura" en la antropología mexicana actual a través de sus adjetivaciones / Ed. E. Krotz. México: Universidad Autónoma Metropolitana-Iztapalapa, 1993.
- Krotz* 1997 – *Krotz E.* Anthropologies of the South. Their Rise, Their Silencing, Their Characteristics // *Critique of Anthropology*. 1997. Vol. 17. P. 237–251.
- Krotz* 1998 – *Krotz E.* El indigenismo en México // *Filosofía de la cultura* / Ed. D. Sobrevilla. Madrid: Trotta / Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 1998. P. 163–178.
- Krotz* 2004 – *Krotz E.* Contribución a la crítica utópica del "nuevo realismo" // *Metapolítica*. Col. Fuera de serie ("1989–2004, la caída del Muro 15 años después"). 2004. P. 226–230.
- Lameiras* 1979 – *Lameiras J.* La antropología en México: panorama de su desarrollo en lo que va del siglo // *Meyer L. et. al.* Ciencias Sociales en México: desarrollo y perspectivas. México: El Colegio de México, 1979. P. 107–180.
- León-Portilla* 1956 – *León-Portilla M.* La filosofía náhuatl estudiada en sus fuentes. México: Universidad Nacional Autónoma de México (tesis de doctorado), 1956.
- León-Portilla* 1989 – *León-Portilla M.* Visión de los vencidos. México: Universidad Nacional Autónoma de México, 1989.
- Matos Moctezuma* 2001 – *Matos Moctezuma E.* La antropología en México // *Ciencia*. 2001. Vol. 52. P. 36–43.
- Medina* 2004 – *Medina A.* Veinte años de antropología mexicana: la configuración de una Antropología del Sur // *Estudios Mexicanos*. 2004. Vol. 20. P. 231–274.
- Menéndez* 2002 – *Menéndez E.L.* La parte negada de la cultura: relativismo, diferencias y racismo. Barcelona: Bellaterra, 2002.
- Paz* 2004 – *Paz O.* El laberinto de la soledad. México: Fondo de Cultura Económica, 2004.
- Palerm* 1998 – *Palerm Á.* Antropología y marxismo. México: Centro de Investigaciones y Estudios Superiores en Antropología Social, 1998.

Ribeiro 1968 – *Ribeiro D.* The Civilizational Process / Transl. B.J. Meggers. Washington: Smithsonian Institution Press, 1968.

Rutsch 2003 – *Rutsch M.* Isabel Ramírez Castañeda (1881–1943): una antihistoria de los inicios de la antropología mexicana // Cuicuilco. 2003. Vol. 10. P. 1–18.

Villoro 1950 – *Villoro L.* Los grandes momentos del indigenismo. México: Fondo de Cultura Económica, 1950.

Wolf 1969 – *Wolf E.R.* Peasant Wars of the Twentieth Century. N.Y.: Harper & Row, 1969.

Перевод с испанского Э.Г. Александренкова

E. K r o t z. Three Phases of Mexican Anthropology in the 20th Century: National Integration, Social Critique, and Academic Normalization

The author reflects on the history of Mexican anthropology, focusing on a range of aspects from the particularities of the discipline's institutionalization in the country to the relationship between anthropology and the society beyond the academic walls. Inquiring into the historical and academic conditions of the discipline's growth, he delineates three phases that manifest distinctive tendencies and trajectories of the anthropological knowledge production in the country.